Э. Н. Берендтсъ.

ПО ПОВОДУ ВОЗЗВАНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ

ОТНОСИТЕЛЬНО

ПРАВЪ ФИНЛЯНДІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

Э. Н. Берендтсъ.

ПО ПОВОДУ ВОЗЗВАНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВЪ ФИНЛЯНДІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

JN
6708
10

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
350
36

65 профессоровъ германскихъ, австрійскихъ и швейцарскихъ университетовъ, а вслѣдъ за ними и 8 голландскихъ, какъ юристы, такъ и историки и философы, естественники и богословы, въ числѣ ихъ и первоклассные представители различныхъ наукъ, сочли умѣстнымъ и необходимымъ опубликовать отзывъ или воззваніе въ пользу сохраненія правового порядка Финляндіи, неприкосновенности котораго угрожаютъ якобы различныя распоряженія русской государственной власти. Означенныя распоряженія, по мнѣнію подписавшихъ отзывъ, имѣютъ: «столь исключительный характеръ и значеніе, что они неминуемо должны были вызвать въ каждомъ культурномъ и правовомъ государствѣ самое скорбное вниманіе и изумленіе». Почтенные представители науки не считаютъ необходимымъ точнѣе опредѣлить, какія именно распоряженія возбудили ихъ скорбное вниманіе и изумленіе.

Не думаемъ, чтобы подъ этими распоряженіями понимали назначеніе новаго Генералъ-Губернатора и новыя назначенія по Хозяйственному Департаменту Императорскаго Финляндскаго Сената, изъ котораго ушли прежніе коренные финляндцы, замѣненные лицами, пользую-

щимися правомъ финляндскаго гражданства, потомки коренныхъ финляндцевъ или натурализованныхъ въ Финляндіи русскихъ. Не думаемъ также, чтобы къ числу этихъ распоряженій причислялись неоднократные роспуски финляндскаго сейма, совершенные съ точнымъ соблюденіемъ финляндскихъ основныхъ законовъ.

Можно догадываться, что означенное скорбное вниманіе вызвали: 1) Высочайшее повелѣніе о перечисленіи военнаго пособія изъ финляндской казны въ государственное казначейство за 1908 и 1909 г.г.; 2) Высочайшее повелѣніе о новомъ порядкѣ подготовленія къ всеподданнѣйшему докладу финляндскихъ дѣлъ, касающихся интересовъ Имперіи, и 3) принятыя въ смѣшанной русско-финляндской комиссіи большинствомъ 6 русскихъ членовъ противъ 5 финляндскихъ предположенія о порядкѣ изданія обще-государственныхъ законовъ и о сферѣ обще-государственнаго законодательства.

Что касается перваго пункта, то въ данную минуту нѣтъ возможности войти въ обсужденіе контроверзъ о предѣлахъ финансовой прерогативы Монарха, и едва ли необходимо доказывать справедливость требованія Верховной Власти, чтобы Финляндія участвовала въ несеніи военныхъ тяготъ Россіи, если не въ формѣ отбыванія личной воинской повинности, то по крайней мѣрѣ въ формѣ денежныхъ платежей.

И въ самой Финляндіи все чаще слышатся голоса, которые признаютъ справедливость этого требованія по существу и возражаютъ не противъ требованія по существу, но только противъ формы, въ которой оно предъявлено. Едва ли это разногласіе о предѣлахъ финансо-

выхъ прерогативъ Монарха въ состояніи вызвать скорбную тревогу не только въ Европѣ, но даже во всемъ мірѣ. Что касается второго пункта, то опять-таки время не позволяетъ разсмотрѣть всѣ причины, которыя привели къ изданію Высочайшаго повелѣнія 20 мая 1908 г. И здѣсь нужно замѣтить, что въ самой Финляндіи никто не оспаривалъ права Монарха выслушивать по финляндскимъ дѣламъ мнѣнія своихъ имперскихъ совѣтниковъ, и возраженія финляндцевъ направлены не столько противъ этого права самого по себѣ, сколько противъ размѣровъ пользованія имъ и формъ его осуществленія.

И въ данномъ случаѣ ѣдва ли можно предполагать, что вся Европа и весь культурный міръ испытываютъ какую либо тревогу по поводу участія Совѣта Министровъ въ оцѣнкѣ финляндскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія интересовъ и правъ Россіи. Остается слѣдовательно думать, что почтенные ученые встревожены проектомъ такъ называемой Харитоновской комиссіи.

Не преждевременно ли волненіе корифеевъ науки? Вѣдь это проектъ подготовительной комиссіи, которая рѣшающаго голоса не имѣетъ.

Совѣтъ Министровъ еще не высказался, не высказались ни Государственная Дума, ни Государственный Совѣтъ, не сказала своего рѣшающаго слова Верховная Власть.

Почтенные ученые заявляютъ, что они не желаютъ вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи. Оно и понятно, ибо Россія не потерпѣла бы такого вмѣшательства въ настоящее время, точно такъ же, какъ она не терпѣла его ни въ 1863, ни въ 1899 г.г. И нужно надѣяться,

что всякая попытка такого вмѣшательства встрѣтила бы здѣсь единодушный отпоръ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ и направленій.

Несмотря на это заявленіе ученыхъ, и охотно вѣря, что они сами сознаютъ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго права на такое вмѣшательство, я вполнѣ убѣжденъ, что подавляющее большинство русскихъ гражданъ признаетъ, что это воззваніе есть неумѣстная выходка по адресу русской государственной власти. Чѣмъ болѣе уважаешь научныя заслуги этой плеяды крупныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе удивляешься политической необдуманности ихъ шага и научной необоснованности ихъ отзыва.

Но если ученые не желаютъ вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи и если они тѣмъ не менѣе выступаютъ противъ политическихъ мѣропріятій русской государственной власти по отношенію къ Финляндіи, то ясно, что они эти мѣропріятія не признаютъ мѣрами внутренней политики. И если это такъ, то на чемъ же основано это мнѣніе?

Въ воззваніи сказано: «существующее между Россійскимъ правительствомъ и финляндскимъ народомъ разногласіе затрагиваетъ также и общіе интересы Европы и даже всѣхъ культурныхъ государствъ».

Слѣдовательно оказывается, что Европа имѣетъ право голоса при рѣшеніи вопроса о томъ, какими правами пользуется Финляндія въ составѣ Россійской Имперіи. Слѣдовательно всякое дѣйствительное, или предполагаемое, или даже мнимое измѣненіе въ объемѣ этихъ правъ есть вопросъ международнаго права, нарушеніе котораго

въ данномъ случаѣ волнуетъ весь культурный міръ и защитниками коего выступаютъ указанные ученые.

Да, въ воззваніи сказано слѣдующее:

«Если такимъ образомъ господствующее между Россіей и Финляндіей разногласіе и не таково, чтобы слѣдовало его передать на обсужденіе международнаго третейскаго суда, то во всякомъ случаѣ и улаженіе его согласно праву немаловажно для значенія и для авторитета, съ которымъ должно относиться къ международному праву, ибо территоріальное пріобрѣтеніе, которое опиралось и на согласіе населенія завоеванной страны, при чемъ и формальный договоръ о передачѣ напоминалъ объ обѣщаніи, данномъ завоевавшей страной, не является пріобрѣтеніемъ, которое давало бы завоевавшему государству право взять обратно разъ данное обѣщаніе безъ нарушенія тѣмъ международнаго права».

О какомъ обѣщаніи Императора Александра I идетъ здѣсь рѣчь?

По мнѣнію почтенныхъ ученыхъ, Императоръ Александръ I обѣщалъ дать Финляндіи самостоятельное существованіе въ качествѣ соединеннаго съ великимъ русскимъ государствомъ, но отличающагося отъ него государства.

Слѣдовательно воззваніе ученыхъ основано на трехъ положеніяхъ: 1) Финляндія пріобрѣтена Россіей съ согласія ея населенія; 2) Александръ I обѣщалъ дать Финляндіи самостоятельное существованіе на правахъ соединеннаго съ Россіей, но особаго государства, и 3) благодаря тому, что въ Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ 1809 г. есть ссылка на такое именно обѣщаніе,

оно пріобрѣло характеръ международно-правового обязательства.

Въ воззваніи сказано: «Уничтоженіе или даже только уменьшеніе этой политической самостоятельности Финляндіи было бы равносильнымъ нарушенію торжественно данныхъ обѣщаній и отмѣнѣ считавшагося въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній неприкосновеннымъ правопорядка». Не буду останавливаться на увѣреніи ученыхъ, что потеря политической самостоятельности повлечетъ за собою неминуемую гибель финской культуры, ибо, насколько мнѣ извѣстно, только въ весьма узкомъ кругу въ Россіи высказывались пожеланія отмѣны автономіи Финляндіи. Позвольте мнѣ обратиться къ указаннымъ тремъ основнымъ положеніямъ ученыхъ и начать съ третьяго, съ принятаго якобы Россіей на себя международно-правового обязательства предоставить Финляндіи права особаго отъ Россіи государства.

Почтенные ученые утверждаютъ, что въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ 1809 г. содержится ссылка на заявленіе Императора Александра, что Онъ намѣренъ дать Финляндіи самостоятельное существованіе въ качествѣ соединеннаго съ великимъ русскимъ государствомъ государства, притомъ особаго отъ русскаго государства. Обратимся къ тексту означеннаго трактата. Двѣ статьи преимущественно трактуютъ объ уступкѣ Финляндіи: ст. 4 и 6.

Ст. 4 гласитъ слѣдующее: «Его Величество Король Шведскій какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и Королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора

Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя и завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на губерніи Кимменогородскую, Нюландскую и Тавастгускую, Абоскую и Бьерноборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую и Улеоборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ. Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и острова, а равно ихъ принадлежности и преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Всероссійской и къ ней навсегда присоединяются».

На эту статью, въ которой даже не упоминаются слова «Великое Княжество Финляндское», какъ политическое цѣлое, а говорится только о 6 шведскихъ губерніяхъ, уступленныхъ Россіи, составлявшихъ такъ называемую шведскую Финляндію, о части одной шведской губерніи и объ Аландскихъ островахъ, не причислявшихся къ Финляндскимъ губерніямъ, конечно нельзя ссылаться въ защиту положенія, что обѣщаніе Александра I создать особое отъ русскаго государства финляндское государство имѣетъ значеніе международно-правового обязательства.

Но можетъ быть 6 статья содержитъ въ себѣ обязательство такого рода. Она гласитъ слѣдующее: «Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознамено-

валъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ по единственнымъ побужденіемъ великодушнаго своего соизволенія свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества, то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія».

Даже при самомъ внимательномъ чтеніи нельзя вычитать обязательства даровать Финляндіи особую государственность. О государственности Финляндіи здѣсь нѣтъ ни полслова.

Но можетъ быть здѣсь опущена ссылка на такое обязательство по той причинѣ, что Императоръ Александръ I почти за 6 мѣсяцевъ до заключенія мира заключилъ какой либо договоръ съ финляндскимъ народомъ и что поэтому ссылка на такое соглашеніе казалась лишней.

Позвольте на справку привести слѣдующую параллель.

Въ 1710 г. Петръ Великій, завоевавъ Ригу и Ревель, заключилъ капитуляцію съ рижскимъ и ревельскимъ гражданствомъ и лифляндскимъ и эстляндскимъ рыцарствомъ. Въ этихъ капитуляціяхъ онъ обѣщалъ сохраненіе преимуществъ рыцарства и бюргерства, привилегій евангелической церкви, школъ и т. д., сохраненіе всего того, что называлось земскимъ штатомъ, а иными словами могло бы быть названо конституціей Лифляндіи и Эстляндіи.

Черезъ 11 лѣтъ былъ заключенъ Ништадтскій мирный договоръ, и въ этомъ трактатѣ, а именно въ ст. 9 и 10 этого трактата, было сказано слѣдующее:

«Его Царское Величество обѣщаетъ при томъ, что всѣ жители провинцій Лифляндскія и Эстляндскія, такожде и острова Эзеля, шляхетные и нешляхетные и въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіеся города, магистраты, цехи и цунфты при нихъ подъ Свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

Такожъ въ такихъ земляхъ не имѣетъ ни какое принужденіе къ совѣсти введено быть, но паче евангелическая вѣра, кирха и школы и что къ тому принадлежитъ на такомъ основаніи, на какомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были оставлены и содержаны, однакожъ во оныхъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь такожъ свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣетъ». Почти дословное утвержденіе всѣхъ этихъ преимуществъ находится въ ст. 8 и 9 Абоскаго мирнаго трактата 1743 года.

Я привелъ на справку эти статьи двухъ трактатовъ, со Швеціей же заключенныхъ, чтобы иллюстрировать различіе между точно опредѣленными обязательствами, которыя принялъ на себя завоеватель въ пользу покореннаго силою оружія населенія, отъ глухихъ ссылокъ на великодушіе и милосердіе, во имя которыхъ контрагентъ—шведскій король отказывается отъ долга выговорить въ пользу бывшихъ подданныхъ какое либо обязательство, гарантированное международнымъ правомъ.

Если донынѣ никто еще не рѣшался сослаться на указанныя статьи мирныхъ трактатовъ Ништадтскаго и Абоскаго въ пользу защиты положенія, что Русская Верховная Власть обязалась создать особое государство изъ Лифляндіи, Эстляндіи и завоеванной въ 1743 г. части Финляндіи, то тѣмъ большее удивленіе должно вызвать, что 65 ученыхъ, среди нихъ рядъ первоклассныхъ юристовъ и историковъ, рѣшились заговорить о какой то международно-правовой гарантіи особой финляндской государственности, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ права предполагать, что они не читали Фридрихсгамскаго трактата или читали его въ невѣдомой донынѣ редакціи.

То, въ чемъ обязался Императоръ Александръ I передъ шведскимъ контрагентомъ, если вообще можно говорить объ обязательствѣ, охрана свободы вѣры, охрана права собственности и различныхъ преимуществъ, то свято соблюдено имъ и его преемниками, и Финляндія пользовалась и донынѣ пользуется такими преимуществами, какія никогда или рѣдко были дарованы побѣдителемъ побѣжденнымъ. Напрасно поэтому великіе ученые обращаютъ скорбное вниманіе на не имѣвшее мѣсто нарушеніе международнаго права.

Перехожу ко второму положенію германо-австрійскихъ ученыхъ. Они утверждаютъ, что территоріальное пріобрѣтеніе 1809 г., т. е. пріобрѣтеніе Финляндіи, состоялось съ согласія населенія.

Авторитеты науки въ своемъ отзывѣ ссылаются постоянно на международное право и весьма озабочены неприкосновенностью его.

Международное право, по крайней мѣрѣ международное право новаго времени, а одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей его, профессоръ Ф. Баръ, подписался подъ отзывомъ, конечно допускаетъ соглашеніе завоевателя съ населеніемъ завоеванной территоріи и даже выставляетъ требованіе, чтобы съ населеніемъ завоеванной территоріи не обращались какъ со стадомъ безсловесныхъ животныхъ и нѣмою принадлежностію земли.

Но донынѣ международное право не признавало права ни за завоевателемъ опредѣлять до заключенія мира государственно-правовой строй завоеванной территоріи, ни за населеніемъ вступать съ государственною властію завоевательницею въ соглашеніе до заключенія мира, на счетъ своего будущаго государственно-правового положенія. Между тѣмъ почтенные ученые ссылаются на согласіе финскаго народа на уступку Финляндіи Россіи, которое по ученію почти всѣхъ финляндскихъ юристовъ имѣло мѣсто на сеймѣ въ Борго, т. е. за 6 мѣсяцевъ до заключенія мирнаго трактата въ Фридрихсгамѣ. Только ст. 4 этого трактата, «по силѣ отреченія», освобождала финляндцевъ «отъ подданства и присяги вѣрности, учиненной ими державѣ шведской». Но можно возразить: въ началѣ 19 столѣтія еще не дѣйствовали современныя намъ болѣе твердыя положенія международнаго права; то было время владычества Наполеона, когда всѣ международно-правовыя положенія попирались ногами, когда нарушались самыя торжественно установленныя международно-правовыя обязательства и господствовала сила, а не право. Что же! Это возраженіе будетъ основательнымъ, но

тогда не слѣдуетъ ссылаться на мнимыя и съ точки зрѣнія международнаго права не допустимыя соглашенія для защиты незыблемости современнаго болѣе строгаго международнаго права. Нерѣдко можно встрѣтить въ финляндской литературѣ увѣреніе, что на сеймѣ въ Борго Александръ I заключилъ договоръ съ представителями финскаго народа. Въ силу этого договора они признали его Великимъ Княземъ Финляндскимъ, а онъ обязался сохранить ихъ конституцію.

Для того, чтобы заключить договоръ, нужно обладать правоспособностію и дѣеспособностью. Обладало ли финское сословное представительство этими качествами въ мартѣ 1809 г.? Едва ли.

Прежде всего позвольте мнѣ указать на то, что три части современнаго намъ Великаго Княжества Финляндскаго уже никоимъ образомъ не могли участвовать въ заключеніи какого либо договора съ русской государственною властію. Я говорю о тѣхъ частяхъ Финляндіи, которыя были завоеваны въ 1721 и 1743 г.г., затѣмъ и часть провинціи Вестерботтенъ и Аландскіе острова, которые никогда ранѣе къ Финляндіи не причислялись и жители которыхъ совсѣмъ не участвовали въ сеймѣ въ Борго.

Что касается остальной части Финляндіи, то и она не имѣла права входить въ какія либо сдѣлки съ завоевателемъ, ибо шведская Финляндія была инкорпоративной частію Швеціи, не имѣла никакой особой конституціи, никакого особаго финляндскаго народнаго представительства, а пользовалась лишь правомъ посылать своихъ представителей на риксдагъ въ Швеціи. Созывать же риксдагъ по основнымъ законамъ Швеціи могъ только

король шведскій. До заключенія мира съ Швеціей русскій же Императоръ не былъ еще правопреемникомъ шведскаго короля.

Но можно возразить, что Александръ I уже въ 1808 г. манифестомъ 5 іюня объявилъ себя сувереномъ Финляндіи, можно ссылаться на то, что уже манифестомъ отъ 20 марта 1808 г. онъ потребовалъ отъ обывателей присяги на вѣрное русскому престолу подданство. Обыватели и принесли эту присягу, хотя далеко не всѣ и далеко не добровольно.

Но если ссылаются на этотъ манифестъ въ защиту права Императора Александра созывать сеймъ въ Борго, то не слѣдовало бы забывать словъ этого манифеста, которыя гласятъ: «воспріяли мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе, промысломъ Намъ врученное, во всей незыблемости и въ непремѣнномъ и вѣчномъ съ Россіей единствѣ. Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто».

Если признать, что въ силу этого манифеста Александръ сталъ уже Государемъ надъ Финляндіей, то конечно нужно признать за нимъ право созывать сеймъ и организовать его по своему усмотрѣнію, но тогда онъ не нуждался болѣе въ соглашеніи на счетъ условій своего государствованія, и кромѣ того нужно признать, что онъ этимъ актомъ нарушилъ международное право.

Въ оправданіе заключеннаго якобы въ 1809 г. между Императоромъ Александромъ и финляндскимъ народомъ договора приводятъ иногда слѣдующее соображеніе:

Если все государство находится въ рукахъ завоевателя, если прежняя государственная власть прекратила свое существованіе, то завоеватель и до заключенія мирнаго трактата имѣетъ права опредѣлять и устанавливать новый правовой порядокъ въ завоеванной странѣ.

Не оспаривая правильности этого положенія, замѣчу только, что оно непримѣнимо къ Финляндіи въ 1809 г., ибо завоеваніе 6 шведскихъ губерній, входящихъ нынѣ въ составъ Великаго Княжества Финляндскаго, не было завоеваніемъ государства, а завоеваніемъ только части шведскаго государства, которое не прекратило своего существованія, не утратило своей государственной власти, и сверженіе съ престола короля Густава IV не означало прекращенія государственной власти Швеціи, а лишь замѣну одного носителя ея другимъ, который только въ сентябрѣ 1809 г. при заключеніи мира освободилъ финляндцевъ отъ присяги вѣрности и уволилъ ихъ изъ шведскаго подданства, и тѣмъ самымъ призналъ и заявилъ, что не признавалъ никакого предшествующаго договора финляндцевъ съ Русскимъ Монархомъ.

Я думаю не ошибиться, если скажу, что никакого договора между Александромъ I и финляндскимъ народомъ на счетъ политическаго устройства Финляндіи не было заключено на сеймѣ въ Борго и не могло быть заключено. Было объявлено и обѣщано завоевателемъ пожалованіе весьма широкихъ преимуществъ завоеванной области и обѣщать такія преимущества Русскій Монархъ конечно могъ, но это было не заключеніе договора, а односторонній актъ монаршаго милосердія и великодушія, и тако-

вымъ названъ этотъ актъ въ Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ.

Такимъ образомъ неправильны ссылки почтенныхъ ученыхъ и на Фридрихсгамскій мирный трактатъ, и на якобы предшествовавшее ему соглашеніе финляндскаго народа съ завоевателемъ. Прибавимъ къ этому еще слѣдующее указаніе. Далеко не всѣ финляндцы, служившіе въ шведскихъ войскахъ, прекратили борьбу съ русскими послѣ Боргоскаго сейма. Они исполняли долгъ вѣрности шведскимъ знаменамъ до конца. Еще въ іюнѣ 1809 г. палъ въ сраженіи съ русскими одинъ изъ героевъ, воспѣтый Рунебергомъ. Неужели онъ сражался противъ своего народа, противъ новосозданнаго финляндскаго государства и особаго финляндскаго монарха?

Перехожу къ 3 положенію. Германо-австрійскіе ученые ссылаются на особую государственность Финляндіи и независимо отъ международно-правовой гарантіи этой государственности.

Они заявляютъ: по почти единогласному мнѣнію самыхъ выдающихся правовѣдовъ среди всѣхъ цивилизованныхъ народовъ Императоръ Александръ I въ 1809 г., при соединеніи Финляндіи съ Россіей, призналъ за Финляндіею положеніе государства, особаго отъ русскаго государства. Уничтоженіе или одно уменьшеніе этой политической самостоятельности Финляндіи было бы равносильнымъ нарушенію торжественно данныхъ увѣреній и отмѣнѣ считавшагося во время нѣсколькихъ поколѣній неприкосновеннымъ правопорядка.

Несомнѣнно, что теоретическія разсужденія по вопросу о природѣ связи Финляндіи съ Россіей никому не

возбраняются и не могутъ почитаться вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Россіи. Вѣдь и мы разсуждаемъ о различныхъ явленіяхъ въ политической жизни Германіи и Австріи. Но если такія политическія теоретическія положенія публикуются въ формѣ какого то воззванія, если ученые выступаютъ съ претензіей принять какъ бы участіе въ практическомъ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ русскаго государственнаго права и съ цѣлью произвести давленіе на русское общественное мнѣніе и русскую государственную власть, тогда на такого рода притязанія, даже если они высказываются высокими научными авторитетами, нужно отвѣтить только двумя словами: руки прочь.

Но независимо отъ неумѣстности этого притязанія приходится сожалѣть о томъ, что научные авторитеты колеблютъ свой авторитетъ слишкомъ уже рѣшительнымъ заявленіемъ по такому спорному вопросу.

Къ сожалѣнію, въ данную минуту нѣтъ возможности войти въ обсужденіе того, какъ различно объясняется понятіе «государство», какими признаками отличается государство отъ автономной области, нѣтъ никакой возможности коснуться всѣхъ этихъ безконечныхъ контроверзъ о природѣ государства, его формахъ и видахъ, суверенитетѣ, автономіи и т. д.

Но считаю долгомъ заявить, что поскольку пришлось весьма и весьма смущаться и удивляться, видя какъ крупные ученые необдуманно ссылаются на трактатъ 1809 г. и на мнимое соглашеніе, постольку нужно признать, что третье ихъ положеніе, что Финляндія по данному Александромъ I обѣщанію представляетъ собою особое

отъ Россіи государство, легче объяснимо. Вѣдь это мнѣніе высказывалось и нѣкоторыми изъ лучшихъ нашихъ юристовъ и государствовѣдовъ и легко понять почему. Давно ли вскрылись архивы и въ коренной Россіи и въ Финляндіи, давно ли стали доступными ихъ матеріалы, давно ли стало извѣстнымъ, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ не финляндцы послѣднихъ двухъ поколѣній, а финляндцы современники Александра I и ближайшее за ними поколѣніе?

Мы имѣемъ предъ собою оригинальное зрѣлище:

Русскіе юристы и историки, которые не признаютъ Финляндію государствомъ, а только автономною областію, держатся того же взгляда, котораго держались финляндцы же и политическіе дѣятели и ученые еще 50 лѣтъ тому назадъ, а нынѣшніе финляндцы и ихъ западно-европейскіе друзья отказались отъ этого первоначальнаго финляндскаго же взгляда и признаютъ правильнымъ только тотъ, который укоренился съ момента возстановленія сеймовой дѣятельности, хотя возстановленіе сейма и изданіе двухъ сеймовыхъ уставовъ вѣдь ни въ чемъ не измѣнило природы той связи, которая была установлена 100 лѣтъ тому назадъ.

Отстаивающіе особую государственность Финляндіи ищутъ и находятъ опору своимъ взглядамъ въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ актахъ или вѣрнѣе въ отдѣльныхъ словахъ, которыя встрѣчаются въ этихъ актахъ, не обращая вниманія на другіе акты, или не признавая значенія за актами, которые или остались неизвѣстными или забыты или считаются безразличными, и въ которыхъ находятся изрѣченія противоположнаго характера.

Особою опорою теоріи финляндской государственности служатъ: Манифестъ Императора Александра I отъ 15 марта 1809 г. объ утвержденіи правъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ этомъ манифестѣ сказано:

«Божіею Милостію Мы Александръ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая и прочая.

«Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить Религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи, во удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили».

Затѣмъ ссылаются преимущественно на слѣдующія слова, употребленныя Императоромъ Александромъ въ своихъ рѣчахъ при закрытіи и открытіи сейма: о томъ, что сеймъ составитъ эпоху въ политическомъ существованіи финскаго народа, на слова въ рѣчи при закрытіи сейма 6 іюня 1809 г., что финскій народъ возвышенъ въ рангъ націи подъ господствомъ своихъ законовъ, что онъ будетъ свободенъ во внутреннихъ дѣлахъ; на вступительную часть учрежденія Прав. Совѣта 1809 г., нынѣ Сената, гдѣ говорится, что благо государства требуетъ, чтобы провинціальная администрація имѣла опредѣленное сосредоточіе; на слова въ манифестѣ 15 марта 1810 г. о финскихъ войскахъ, въ которомъ сказано, что Государь рѣшилъ управлять Финляндіей какъ народомъ свобод-

нымъ, пользующимся правами, которыя гарантированы конституціей края; на манифестъ 1816 г. о переименованіи Прав. Совѣта въ Сенатъ, въ которомъ въ третій разъ Александръ I утверждалъ особую конституцію края; на конфиденціальный рескриптъ 1810 г. финляндскому Генералъ-Губернатору, въ коемъ сказано: «Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу сему бытіе политическое, чтобы онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными пользами, для сего сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы»; и на слова Сперанскаго во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1810 г.: «Финляндія есть государство, а не губернія. Слѣдовательно нельзя управлять ею мимоходомъ среди множества текущихъ дѣлъ». Но этимъ словамъ и предложеніямъ противостоитъ не меньшее число другихъ и не только слова, но и факты, которые доказываютъ, что Императоръ Александръ I и его ближайшіе совѣтники и сами финляндцы того времени не признавали Финляндію особымъ отъ русскаго государства—государствомъ, а только провинціей, областью или краемъ съ широкой автономіей и особыми политическими правами, не выговоренными по договору, а пожалованными Монархомъ.

Если бы въ 1809 г. Финляндія не только получила особыя преимущества въ составѣ единаго Россійскаго государства, но была бы превращена въ особое государство, тогда несомнѣнно мы бы должны найти отзвукъ въ рѣчахъ и актахъ Боргоскаго сейма и въ актахъ Сената, т. е. тогдашняго Прав. Совѣта, и неминуемо

*

финляндцы, среди которыхъ были лица, мечтавшія объ особомъ государствѣ финляндскомъ съ 1788 г., должны были бы заговорить объ этомъ финляндскомъ государствѣ. Между тѣмъ сеймъ называетъ Финляндію—провинціей; при торжественномъ открытіи Совѣта, вице-предсѣдатель называетъ Финляндію—провинціей и вплоть до конца 50 гг. слово провинція не сходитъ со сцены и не замѣняется словомъ государство. Мало того въ царствованіе Александра I былъ случай, чуть не единственный за 100 лѣтъ, когда финляндцы по собственному почину отказались отъ одной изъ пожалованныхъ имъ привилегій. А именно въ 1822 г. финляндскій офицерскій корпусъ просилъ Государя объ отмѣнѣ ст. 2 рескрипта 1812 г., въ силу котораго финскія войска были обязаны защищать Россію только въ предѣлахъ Финляндіи и на берегахъ Балтійскаго моря, при чемъ они назвали Россію общимъ отечествомъ.

Что касается высшаго русскаго государственнаго учрежденія—Государственнаго Совѣта, то вотъ какъ онъ разсуждалъ. Недавно перепечатано одно дѣло изъ Архива Государственнаго Совѣта, гдѣ идетъ рѣчь о соединеніи Старой и Новой Финляндіи подъ одно наименованіе и одинъ образъ управленія.

И вотъ какъ разсуждалъ комитетъ предсѣдателей Государственнаго Совѣта. Въ запискѣ, которая свела въ одно цѣлое всѣ доводы за и противъ соединенія, мы читаемъ: «Обѣ сіи провинціи нынѣ равно принадлежатъ къ Имперіи и той же и единой покорены верховной власти, то не можетъ быть никакого основанія различать ихъ ни по имени, ни въ жребіи, ни въ образѣ управленія, и подобно тому, какъ изъ двухъ прежнихъ разновременныхъ

завоеваній составилась одна губернія, нынѣ должно изъ трехъ составить одну провинцію».

А затѣмъ данъ слѣдующій отвѣтъ на одно изъ возраженій противъ отдѣленія Выборгской губерніи.

Уменьшатся казенные доходы. Доходы сіи за содержаніемъ правительственныхъ и судныхъ мѣстъ весьма неважны. Вообще о финляндскихъ доходахъ сдѣлано постановленіе, чтобы остатки ихъ причисляемы были къ казначейству Имперіи.

Разъ излишки доходовъ надъ мѣстными расходами по Финляндіи перечисляться должны были въ свободные рессурсы государственнаго казначейства, развѣ можно говорить, что Верховная Власть признавала Финляндію особымъ отъ Россіи государствомъ?

До царствованія Императора Александра II включительно можно бы привести случаи употребленія въ отношеніи Финляндіи то словъ: государство, государственныя, то словъ: провинція, область, край.

Но можно сказать: не въ словахъ дѣло. Названіе играетъ второстепенную роль. Не имѣла ли и не имѣетъ ли Финляндія реальные аттрибуты особой государственности. Съ 60-хъ г.г. Финляндія имѣетъ особую монету. Да, но особую монету имѣли въ 18 ст. и Лифляндія и Сибирь, но они не были особыми государствами. Польша сохранила особую монету послѣ утраты политической самостоятельности. Финляндія имѣетъ особую таможенную систему, но и Польша отдѣлялась до 50 г.г. таможенною чертою отъ Внутренней Россіи. Финляндія до 1901 г. имѣла особо организованное войско, но и въ шведское время Финляндцы служили въ особыхъ финскихъ посе-

ленныхъ полкахъ, и тѣмъ не менѣе Финляндія не была особымъ отъ Швеціи государствомъ.

Особое законодательство, особый судъ, особое управленіе, однимъ словомъ, особая конституція тоже не превращали Финляндію въ особое государство, ибо автономная область можетъ составлять нераздѣльную часть одного единаго государства и тѣмъ не менѣе и именно потому, что она пользуется автономіей, имѣть совершенно своеобразное устройство.

Каковы предѣлы автономіи, какимъ образомъ должны рѣшаться спорные вопросы, возникающіе благодаря измѣняющимся условіямъ внутренней политической жизни, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ автономной области должно считаться съ преобразованіями въ строѣ того государства, въ составъ котораго она входитъ, кто долженъ уступить въ случаѣ коллизіи правъ или интересовъ, все это вопросы внутренніе, вопросы государственнаго права, а не вопросы международнаго права. Рѣшеніе этихъ вопросовъ конечно затрудняется, если автономная область упорно отстаиваетъ особую государственность или если она стремится къ расширенію своихъ преимуществъ, къ тому расширенію, сторонниками котораго выступаютъ финляндскіе радикалы. Но рѣшеніе такихъ спорныхъ вопросовъ затрудняется также и съ другой стороны, со стороны тѣхъ, кто у насъ въ Россіи отрицаетъ историческій фактъ, что Императоръ Александръ I даровалъ, а его державные преемники подтвердили автономію Финляндіи, которые утверждаютъ, что подъ словомъ «конституція» Александръ I понималъ только сословныя привилегіи, что подъ словами «коренные законы» онъ пони-

малъ законы старые, кто, однимъ словомъ, смотритъ на Финляндію какъ на заурядную губернію, на сеймъ какъ на финляндское губернское земское собраніе, на признанные русскими монархами основные законы какъ на ворохъ старой бумаги, которые однимъ словомъ полагаютъ, что можно вычеркнуть изъ памяти народной столѣтнюю исторію и которые даже не страшатся подрыва Монаршаго авторитета, заявляя, что Монархи, со славой правившіе Россіей, не знали, что говорили, когда произносили рѣчи съ высоты престола, и не знали, что творили, когда подписывали торжественные акты.

Ни первый путь, ни второй не приведутъ къ добру, ибо не создадутъ прочнаго правопорядка; первый потому, что Россія не помирится съ созданіемъ или признаніемъ особаго государства въ 30 верстахъ отъ столицы, второй потому, что онъ превратитъ Финляндію навсегда въ очагъ ненависти къ Россіи.

Но мы едва ли имѣемъ право сомнѣваться, что тѣ власти и учрежденія, которыя призваны Монархомъ къ участію въ рѣшеніи наболѣвшаго финляндскаго вопроса, рѣшатъ всѣ спорные вопросы, исходя изъ неоспоримой исторической истины, что финскій народъ присоединенъ промысломъ Божіимъ къ русскому народу въ одно единое, нераздѣльное государство, подъ сѣнію единой государственной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ не забывая національно культурныхъ потребностей Финляндіи и ея правъ, пріобрѣтенныхъ не въ силу международныхъ трактатовъ, которые, какъ показываетъ исторія и притомъ весьма недавняя, соблюдаются до первой возможности ихъ нарушить, а покоятся на Монаршемъ словѣ 5 русскихъ государей.

Примѣчаніе издателя.

Необходимо замѣтить, что русскій подлинный текстъ грамоты Императора Александра I и ея шведскій переводъ вовсе не тождественны, что и вызвало различное ихъ толкованіе.

Приводимъ по книгѣ П. Шиловскаго «Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи» (стр. 10) оба текста en regard:

Русскій оффиціальный текстъ. (По копіи на бумагѣ 1815 года).	*Переводъ съ шведскаго оффиц. текста.* (По экземпляру, приложенному къ копіи 1809 г.).
	Его Императорскаго Величества Милостивое Försäkran всѣмъ жителямъ Финляндіи; дано въ Борго 15/27 Марта 1809 г.
Копія.	
Божіею Милостію Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.	Мы, Александръ I, Божіей Милостью, Государь и Самодержецъ надъ всей Россіей, etc., etc., etc.; *Великій Князь* (по отношенію къ) *Финляндіи* etc., etc. Объявляемъ:
Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ *вновь* утвердить и удостовѣрить *Религію*, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяю-	Послѣ того, какъ Мы, по волѣ Провидѣнія, взяли во владѣніе Великокняжество Финляндію, пожелали Мы чрезъ сіе утвердить и укрѣпить *Религію Страны* и grundlagar вмѣстѣ съ привилегіями и правами, которыми каждое Сословіе въ сказанномъ Великокняжествѣ въ осо-

щіе, отъ мала до велика, по *Конституціямъ* ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію *Грамоту* собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили.

Въ городѣ Борго, Марта 15-го дня 1809 г.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ.

Съ копіею читалъ: Экспедиціонный Секретарь Л. фонъ Гартманъ.

бенности, и всѣ его Жители вообще, какъ высшіе, такъ и низшіе, до сего времени, согласно *Конституціи*, пользовались: Обѣщая оставить всѣ эти выгоды и установленія крѣпкими и ненарушимыми въ ихъ полной силѣ. Для вящшей вѣрности подписали Мы этотъ *Försäkrings-Act* Нашей собственноручной подписью. Дано въ Борго 15/27 Марта 1809 года.

Оригиналъ собственноручно Высочайше подписанъ:

Александръ.

Авторъ брошюры Э. Н. Берендтсъ, въ своемъ курсѣ административнаго права Финляндіи (изд. 1903 г., стр. 54—59), писалъ по поводу манифеста 3 Февраля 1899 года слѣдующія слова, которыя одинаково могутъ быть отнесены и къ закону 17 Іюня 1910 года объ изданіи касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія:

Обнародованіе Манифеста и Основныхъ Положеній 3 Февраля 1899 г. вызвало, какъ извѣстно, въ Финляндіи всеобщую тревогу. Въ означенномъ актѣ большинство финляндцевъ видѣло посягательство на весь общественный и политическій строй Финляндіи, нарушеніе всѣхъ обѣщаній, нарушеніе всѣхъ законовъ, подрывъ правомѣрности, даже посягательство на начала высшей справедливости. Одни утверждали, что весь

актъ совершенно лишній, плодъ націоналистическаго доктринерства, что въ особомъ порядкѣ для обсужденія общеимперскихъ законовъ нужды нѣтъ, что обсужденіе законопроекта такого рода отдѣльно въ Государственномъ Совѣтѣ и Сеймѣ, послѣ предыдущаго соглашенія властей Имперскихъ и финляндскихъ, заключаетъ въ себѣ совершенно достаточное обезпеченіе интересовъ обще-государственныхъ, что при добромъ желаніи съ обѣихъ сторонъ никакихъ конфликтовъ быть не можетъ. Другіе утверждали, что если признана необходимость измѣненія порядка изданія законовъ, касающихся интересовъ какъ имперскихъ, такъ и финляндскихъ, то такое измѣненіе должно было бы совершиться легальнымъ путемъ и на основаніи единогласнаго постановленія 4 сословій сейма. Въ этихъ разсужденіяхъ кроется добрая доля самообольщенія и наивнаго заблужденія. Опытъ доказалъ, что при разрозненномъ порядкѣ изданія законовъ, касающихся и Имперіи, и Великаго Княжества, интересы цѣлаго, интересы общегосударственные не обезпечены. (Самый наглядный примѣръ: изданіе закона о воинской повинности въ Финляндіи въ 1878 г.). Что касается разсчетовъ на добровольное согласіе сейма на ограниченіе его компетенціи, то всякій, кто знакомъ съ обсужденіемъ на сеймѣ вопросовъ, по коимъ приходилось высказывать чувства по отношенію въ Россіи, кто читалъ in extenso протоколы, рѣчи и пренія на сеймѣ съ 1863—1899 г., не повѣритъ въ возможность такого согласія. Сеймъ безусловно отвѣтилъ бы въ 1899 г. твердымъ «non possumus». Исторія не знаетъ примѣра добровольнаго отказа народнаго представительства отъ доли его компетенціи. Несомнѣнно сеймъ согласился бы на значительныя *матеріальныя* пожертвованія, но не на жертвы въ формальной своей компетенціи. Шведскіе риксдаги 1772 г. и 1789 г. приняли Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и безопасности лишь подъ давленіемъ штыковъ

королевской гвардіи и благодаря угрозамъ крестьянской массы. Отношеніе сейма къ предложенію новаго закона о воинской повинности въ Финляндіи вполнѣ доказало, что финляндскіе политики и всѣ классы общества, причастные къ общественной дѣятельности, твердо рѣшили не поступаться ни малѣйшей долей своихъ формальныхъ привилегій. Несомнѣнно, что эта твердость, рискующая всѣмъ ради охраны каждаго клочка насиженнаго мѣста, есть своего рода добродѣтель, но эта добродѣтель, предвидѣнная русскимъ правительствомъ, лишила его возможности разсчитывать на содѣйствіе сейма. Положеніе «fiat justitia pereat mundus» хорошій девизъ для украшенія герба, но плохая норма дѣятельности въ области государственной политики. Если неуклонно держаться этого девиза, то слѣдовало прежде всего подвергнуть ревизіи всѣ унаслѣдованные отъ Швеціи основные законы, съ точки зрѣнія «конституціонности» ихъ составленія и изданія. Ссылка на давность была бы неумѣстна. Старинная германская пословица гласитъ «Hundert Jahre Unrecht geben noch keine Stunde Recht». Если давность можетъ превратить неконституціонный законъ въ конституціонный, то конституціонность акта 3 Февраля 1899 г. есть лишь вопросъ времени. Да и justitia не вполнѣ на сторонѣ финляндцевъ. Многое изъ того, что они защищали и защищаютъ, какъ непоколебимое положеніе и абсолютное требованіе высшей справедливости, какъ убѣжденіе и правило, унаслѣдованныя отъ предковъ,—оказывается при провѣркѣ плодомъ политической мысли послѣдняго поколѣнія и забывчивости тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ временъ минувшихъ. Напр.: и въ 1877—78 гг. и въ 1899 г. ораторы сейма выставляли, какъ conditio sine qua non процвѣтанія Финляндіи и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи, какъ гарантію нормальнаго развитія и страны, и индивидовъ,—обособленіе финскаго войска отъ русской арміи, употребленіе его лишь въ

предѣлахъ финляндской родины или, въ крайнемъ случаѣ, на сосѣднемъ балтійскомъ побережьѣ. Нужно было спасти финляндскихъ рекрутъ отъ якобы грубаго обращенія съ солдатами въ русскихъ полкахъ, отъ плохой ѣды, отъ тоски по родинѣ, отъ деморализаціи на чужбинѣ и т. д. Ссылались на обѣщаніе Императора Александра I употреблять финскія войска лишь для защиты Финляндіи и балтійскаго побережья,—но забыто было или осталось неизвѣстнымъ какъ лойально воспользовались финляндцы первой четверти XIX ст. этимъ обѣщаніемъ. Они просили объ уничтоженіи той статьи рескрипта Императора Александра I, которая содержала сіе обѣщаніе. Въ дѣлахъ архива Статсъ-Секретаріата (въ грудѣ не внесенныхъ въ реестръ бумагъ 1810—1826 гг.) мною найдены слѣдующіе документы (По описи не внесенныхъ въ реестръ дѣлъ № 108, 1822 г.):

1) *Копія съ рескрипта Императора Александра I* отъ 5 Марта 1822, на имя Финляндскаго генералъ-губернатора Штейнгеля:

«Снисходя на прошеніе Финляндскихъ Войскъ, изъявившихъ похвальное желаніе быть употребленными Нами не только на защиту отечественнаго ихъ края и владѣній Россійской Имперіи по берегамъ Балтійскаго моря, но и раздѣлять съ войсками Россійскими честь и славу военныхъ подвиговъ вездѣ, гдѣ представится къ тому случай, повелѣваю отмѣнить вторую статью рескрипта, даннаго мною Генералу отъ Инфантеріи Графу Армфельду 6 Сентятря 1812 г. О семъ нашемъ соизволеніи Вы не оставите объявить финляндскимъ войскамъ и удостовѣрить ихъ, что Я принялъ сей новый опытъ усердія ихъ ко мнѣ и *къ общему отечеству нашему* (sic) съ признательностью.

Пребываю Вамъ благосклонный.—(Александръ)".

2) *Копія съ рескрипта Императора Александра I* на имя

командующаго финскими войсками Генералъ-Маіора Эрнрота, отъ 5 Марта 1822.:

«J'ai reçu, Général, le rapport par lequel Vous m'exprimez le voeu des troupes finlandaises. J'ai accueilli leur demande avec une véritable satisfaction. Pleines d'une noble ardeur pour la défense *de la patrie commune* (sic) et dignes par conséquent de s'associer aux armes Russes, elles recevront la faculté de combattre partout, où se présentera l'occasion d'acquérir de la gloire. L'article 2-d du Réglement du 6 Septembre 1812 va être changé; annoncez le aux troupes— qui sont sous Vos ordres, témoignez leur, combien je suis sensible à la preuve de dévouement qu'elles me donnent, et croyez, Général, que je sais reconnaître tout ce que je vous dois pour l'esprit qui règne dans le corps, à la tête duquel je vous ai placé». (Signé) Alexandre.

Съ подлинника вѣрно. Генералъ-Адъютантъ Князь Меншиковъ».

Въ эпоху съ 20-хъ гг. по 70-е годы никто изъ финляндцевъ не считалъ службу въ русскихъ войскахъ за опасность, несмотря на то, что дисциплина того времени была сравнительно очень суровая, а питаніе войскъ весьма неудовлетворительно. До 700 финляндцевъ одновременно служили въ русскихъ войскахъ и не теряли своей національности. Теслевъ, Мункъ, Индреніусъ, Норденстамъ, Шанцъ, Уггла, Эренротъ, Грипенбергъ, авъ Форселлесъ и мн. другіе доблестно, въ теченіе десятилѣтій, служили въ русской арміи, на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ и, возвращаясь на родину, не страдали ни деморализаціей, ни денаціонализаціей.— И нынѣ десятки тысячъ финновъ живутъ и трудятся въ Россіи, начиная съ Петербурга и кончая Владивостокомъ, сохраняя всѣ хорошія черты своего характера, безъ ущерба для нравствен-

наго и физическаго своего бытія. Нельзя не признать, что въ торжественныхъ протестахъ финскихъ политиковъ и публицистовъ доктринерство и фраза звучатъ весьма сильно и не находятъ поддержки ни въ актахъ историческихъ, ни въ указаніяхъ опыта. Объявленіе Россіи «общимъ отечествомъ» и русскихъ, и финляндцевъ признано въ Финляндіи почти что оскорбленіемъ финскаго національнаго духа и, во всякомъ случаѣ, посягательствомъ на драгоцѣннѣйшія узы, связывающія человѣка съ его родиной. Между тѣмъ, слово «отечество» именно въ этомъ смыслѣ употребляется нерѣдко въ документахъ 1809—1863 гг. самими финляндцами, и никто не видѣлъ въ этомъ что либо оскорбительное. Манифестъ 3 Февраля 1899 г. встревожилъ финляндцевъ не только потому, что установленіе новаго порядка законодательства совершилось безъ содѣйствія земскихъ чиновъ, но и потому, что въ редакціи манифеста они усмотрѣли много неяснаго и неопредѣленнаго, что они, въ свою очередь, приписали желанію скрыть истинныя намѣренія правительства. Въ Манифестѣ сказано: «Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ финляндскаго края относящихся, Мы сочли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства». По мнѣнію финляндцевъ, эта формулировка даетъ возможность, при явной якобы недоброжелательности къ Финляндіи со стороны Россіи,—подвести подъ названіе «общеимперскіе законы», всѣ вообще законы, издаваемые въ Финляндіи. Это подозрѣніе не находитъ себѣ подтвержденія въ исторіи отношеній Россіи и Финляндіи. Въ теченіи 90 лѣтъ Финляндія едва ли имѣла причины и поводъ жаловаться на недоброжелательныя отношенія къ ней Россіи. Если же предполагать въ русскомъ правительствѣ mala fides,

то едва ли Манифестъ 3 Февраля и основныя положенія усилятъ злонамѣренную по отношенію къ Финляндіи власть Россіи. При наличности mala fides можно было бы посягнуть на развитіе Финляндіи, при помощи систематическаго неутвержденія всѣхъ сеймовыхъ законопроектовъ, затормозивъ всякую законодательную дѣятельность. И административныя правомочія правительства настолько широки, что даютъ полную возможность проявить mala fides по отношенію къ Финляндіи. Между тѣмъ, созывъ очереднаго сейма 1900 г., послѣ изданія Манифеста 1899 г., предположеніе новаго сейма на 1904 г. и подготовка правительственныхъ предложеній сейму служатъ явнымъ доказательствомъ, что Верховная Власть Россіи не питаетъ mala fides по отношенію къ Финляндіи и не имѣетъ намѣренія воспользоваться основными положеніями 3 Февраля 1899 г. для того, чтобы свести на нѣтъ всѣ права финляндскаго народнаго представительства.

Въ средѣ финляндцевъ изданіе манифеста 3 Февраля 1899 г. и основныхъ положеній о порядкѣ обще-имперскаго законодательства вызвали тревогу и опасеніе полнаго упраздненія автономіи, а въ русской мнимо-консервативной публицистикѣ и прессѣ тотъ же правительственный актъ вызвалъ восторженныя выраженія надежды именно на такое упраздненіе.

Между тѣмъ, манифестъ 3 Февраля 1899 г. содержитъ въ себѣ болѣе ясное, чѣмъ когда либо, и торжественное утвержденіе финляндской автономіи. 1) Верховная Власть заявила объ оставленіи въ силѣ существующихъ правилъ объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндіи относящихся; 2) она признала Финляндію не конгломератомъ 8 губерній, управляемомъ на особомъ основаніи, подобно губерніямъ дореформеннымъ прибалтійскимъ, а осо-

бымъ автономнымъ краемъ въ составѣ Всероссійскаго Государства.

. . . . . .

Основныя положенія 3 Февраля 1899 г. являются несомнѣнно актомъ выдающейся важности, но заключаютъ въ себѣ и нѣкоторый пробѣлъ. Главный недостатокъ заключается въ отсутствіи указаній предметовъ обще-имперскаго законодательства *). Между тѣмъ, такое указаніе было бы нетрудно. Предметомъ общеимперскаго законодательства несомнѣнно должно бы быть *все то, что относится къ признакамъ и выраженіямъ государственнаго единства* и *средствамъ защиты государственной цѣлости*. Организація войска, почты и телеграфовъ, таможенной части, желѣзнодорожной системы, системы монетъ, вѣсовъ и мѣръ можетъ и должна быть нормирована общегосударственными законами. Въ этихъ вопросахъ органы автономнаго края могутъ лишь играть роль компетентныхъ экспертовъ; рѣшающее же значеніе можетъ имѣть только воля центральной власти. Если единство въ этихъ областяхъ возможно въ государствахъ федеративныхъ (Германской Имперіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки), то оно необходимо въ отношеніи государства единаго и нераздѣльнаго.

---

*) Этотъ недостатокъ исправленъ въ законѣ $^{17}/_{30}$ Іюня 1910 г., содержащемъ перечень общегосударственныхъ вопросовъ, примѣнительно къ статьѣ 4 Конституціи Германской Имперіи.

Берендтсъ. Финансовое право Великаго Княжества Финляндскаго въ XIX столѣтіи. Спб. 1900.
Берендтсъ, Э. Краткій обзоръ финансовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900.
Берендтсъ, Э. Императорскій Александровскій Университетъ въ Финляндіи. Спб. 1900.
Берендтсъ, Э. Лекціи по административному праву Великаго Княжества Финляндскаго. 2 тома. Спб. 1903.
Берендтсъ Э. Н. Къ финляндскому вопросу. По поводу рѣчи члена Гос. Думы П. Н. Милюкова 13 Мая 1908 г. при разсмотрѣніи запросовъ по финляндскому управленію. Спб. 1910.
Берендтсъ, Э. Н. По поводу воззваній иностранныхъ ученыхъ относительно правъ Финляндіи. Спб. 1910 г.
Behrendts. Ueber Grenzmarkenpolitik und die finnländische Frage insbesondere, Rede, gehalten am 14. I. 1907. St.-Petersburg 1907.
Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Спб. 1910.
Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра I. Спб. 1909.
Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II. Спб. 1908.
Бородкинъ, М. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. Время управленія Н. И. Бобрикова. Спб. 1905.
Бородкинъ, М. Финляндія въ русской печати. Библіографическій указатель книгъ и статей о Финляндіи. Спб. 1902.
Бородкинъ, М. Война 1854—1855 г.г. на Финскомъ побережьѣ. Спб. 1904.
» Итоги столѣтія. Харьковъ. 1909.
Condition juridique de la Finlande. Paris. 1902.
Valiszevsky, K. The finnish question. The Ostrich and the Sparrow. St.-Petersbourg. 1910.
Valiszevsky, K. Zur finnischen Frage. Straus und Sperling. St.-Petersburg. 1910.
Valiszevsky, K. Question finlandaise. L'Autruche et le Moineau. St.-Pétersbourg. 1910.
Верховской, П. В., проф. Исторія и юридическія условія присоединенія Финляндіи къ русской государственной территоріи. Варшава. 1910.
Владиміровъ, В. Революція въ Финляндіи при кн. Иванѣ Оболенскомъ. Спб. 1905.
Главнѣйшія событія и мѣропріятія правительства въ періодъ 1905—1909 г.г. Спб. 1910 г.
Евреиновъ, Г. А. Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. Схема политической программы. Спб. 1908.
Ewreinow, Grégoire. Exposé de la question finlandaise. St.-Pétersbourg. 1910.
Ewreinoff, G. Zur finnischen Frage. Spb. 1909.
Еленевъ, Ѳ. Ученіе о финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893.
Elénew, Th. Les prétentions des séparatistes finlandais. Paris. 1895.
Изнанка революціи—вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства. Спб. 1906 г.
Le revers de la révolution. L'insurrection en Russie, armée aux frais du Japon. Edition du journal «Golos Prawdy» St.-Pétersbourg. 1909.
Каменскій, Н. Современное положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія обороны государства. Спб. 1908.
Корево, Н. Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Великаго Княжества Финляндскаго, т. I (А—І), т. II (К—П), т. III (Р—Я). Спб. 1907—1909.
Корево, Н. Н. Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи (изъ «Библіотеки Окраинъ Россіи», № 4 (стр. 23 и слѣд.). Спб. 1907.
Корево, Н. Н. Докладъ по финляндскому вопросу на VI съѣздѣ уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ 33 губерній въ засѣданіи 17 Марта 1910 г. (см. труды съѣзда). Спб. 1910.
Korewo, N. Vortrag über die finnländische Frage. Berlin. 1910.
Коркуновъ, Н. М. Финляндскій сеймъ. Юридическая лѣтопись. 1891 г. № 1.
Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право, т. I. Спб. 1892.
Кочкаревъ, Н. А. Программы финляндскихъ партій. Спб. 1909.
Крохинъ, В. П. Исторія карелъ. Спб. 1908.
Крохинъ, В. П. Какъ возникла въ Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офиннивается Карелію. Спб. 1910.
Куплеваскій, Н., проф. Манифестъ Императора Александра I $^{9}/_{21}$ Февраля 1816 г. о переименованіи Финляндскаго Правительственнаго Совѣта въ Императорскій Финляндскій Сенатъ. Спб. 1910.
Куплеваскій, Н. О., проф. Справка о мнѣніяхъ 25-ти русскихъ ученыхъ, спеціалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи. Спб. 1910.
Липранди, А. П. (Волынецъ, А.). Финляндскій вопросъ къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Спб. 1909 г.
Луото, Карлъ. Правда. Переводъ съ финскаго. Спб. 1910 г.

Малышевъ, К. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Спб. 1891.
Малышевъ, Кронидъ. Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Спб. 1878.
Мессаропъ, П. И. Финляндія—государство или русская окраина? Спб. 1898.
О «Разсказахъ прапорщика Столя». (Fänrik Ståls sägner). Спб. 1910.
Ординъ, К. Ф. Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина. Спб. 1888.
Ординъ, К. Ф. Покореніе Финляндіи. 2 тома съ картою Финляндіи. 1889 г. (первое изданіе).
Ординъ, К. Ф. Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Т. I.—Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Съ портретомъ автора и предисловіемъ издателя Б. К. Ордина. Спб. 1908; тт. II и III—второе изданіе «Покореніе Финляндіи» съ предисловіемъ издателя Б. К. Ордина и картою Финляндіи во II томѣ. Спб. 1909.
Osten-Sacken, Baron Wolf von der. Die Staatsrechtliche Stellung des Grossfürstenthums Finnland im Russischen Reiche. Tübingen. 1909.
Osten-Sacken, Baron Wolf von der, Dr. Russland und Finnland. Zur Kritik der Bornhakschen Construction des staatsrechtlichen Verhältnisses. St-Petersburg. 1910.
Остенъ-Сакенъ, Баронъ Вольфъ фонъ-деръ. Государственно-правовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей автора. Спб. 1910.
Palme, A., Dr. Die Russische Verfassung. Berlin. 1910.
Пановъ, В. И. Великій лжецъ. Спб. 1910 г.
Петровскій, С. Финляндская окраина Россіи. Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго «Финляндскаго вопроса». Москва. Выпускъ I—1891, выпускъ II— 1894, вып. III—1897.
Румянцевъ, А. Финляндія вооружается! Союзъ «Сила» («Voima»). Спб. 1907.
Рейнъ, Т. Іоганнъ-Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ, сокращенный переводъ со шведскаго. Спб. 1903.
Сергѣевскій, Н. Д. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902.
Сергѣевскій, Н. Д. Сеймовый уставъ Великаго Княжества Финляндскаго. Библіотека Окраинъ Россіи, № 1. Спб. 1907.
Сергѣевскій, Н. Д. Финляндское уголовное уложеніе. Библіотека Окраинъ Россіи, № 2. 1907.
Сергѣевскій, Н. Д. Запросы по финляндскому управленію въ Государственной Думѣ 1908 года. Библіотека Окраинъ Россіи. № 6. Спб. 1908.
Situationen i Finland af en gammalfennoman. Stockholm. 1910.
Смирнова, С. Угнетенная страна. Замѣтки о Финляндіи. Спб. 1908.
» Покореніе сердецъ. Спб. 1909.
Суворовъ, П. Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 1907.
Soovoroff, P. The finnish question. St.-Pètersbourg. 1910.
Souvoroff, P. Question Finlandaise. Spb. 1908.
Suvoroff, P. Zur Frage der Gleichberechtingung. Die Lage der Russen in Finnland und der Finnländer im Reich. St. Petersburg. 1910.
Судопроизводство и судоустройство Финляндіи. Изданіе комиссіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ. Спб. Гос. Тип. 1901.
Таганцевъ, Н. С. Высочайшій Манифестъ 1/13 декабря 1880 года и Финляндское Уголовное Уложеніе. Юридич. Лѣтопись, 1801. I т. Изданъ особо. Спб. 1910 г.
Tagantseff, N. S. Das Allerhöchste Manifest vom 1/13 Dezember 1890 und das finländische Strafgesetzbuch. Berlin. 1910.
Таганцевъ, Н. С. По поводу предстоящаго введенія особаго уложенія для В. Кн. Финляндіи. Записка отъ 23 Іюня 1890 г. Спб. 1910 г.
Таганцевъ, Н. С. Великое Княжество Финляндія. Выдержка изъ лекціи по русскому уголовному праву. Спб. 1910 г.
Федоровъ, Евг. Подготовка Финляндской революціи 1889—1905 гг. Спб. 1907.
Fiodoroff, E. Die Vorbereitung der finländischen Revolution 1889—1905. St.-Petersburg. 1910.
Финляндская окраина въ составѣ Русскаго Государства. Спб. 1906. Изд. 2-е дополненное. Спб. 1910.
Финляндія. Изданіе Н. Поповой, подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1888.
Шиловскій, П. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903.
Якубовъ, К. Сборникъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и относящихся къ нимъ узаконеній и актовъ. Гельсингфорсъ. 1889